

**“ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ” КОБО АБЭ:
ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ И МОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ**

А. Т. Мустоянова

Подвергнут литературоведческому анализу своеобразный творческий мир виднейшего японского писателя в контексте национально художественной традиции и европейского модернизма.

Ключевые слова: экзистенция; японская традиция; мировиденье; философия буддизма; конфуцианство; модернизм.

Говоря о творчестве К. Абэ, критики находят черты модернистской литературы, часто сопоставляя при этом его романы с произведениями европейских писателей-экзистенциалистов. Основная тема творчества японского романиста – одиночество человека, его часто бесплодные поиски смысла жизни и выхода из тупика. Именно это становится основным аргументом

для причисления К. Абэ к ряду модернистских писателей.

Человек в изображении К. Абэ – жертва общественного устройства. Живя в многомиллионном Токио, герои К. Абэ тотально одиноки. Это одиночество тем более впечатляюще, что писатель изображает жизнь героев в огромном мегаполисе, где, казалось, невозможно скрыться

от других, и человек вынужден постоянно соприкасаться с людьми.

Герои К. Абэ выступают носителями основного мотива произведений писателя – мотива утраты человеком связи с окружающим миром.

Если в произведениях Кэндзабуро Оэ герои стремятся к некоему “сообществу”, к единению с людьми в группе, то герои К. Абэ – это герои отчужденные, бегущие от общества. Они будут прятаться, исчезать, убегать в стремлении найти убежище от мира людей. Это знак того, что социальный аспект в изображении человека у К. Абэ сменяется аспектом психологическим, сосредоточенном на внутреннем “я” героя.

Романы К. Абэ – романы, безусловно, модернистские. Изображение жизни человека в современном мегаполисе позволяет К. Абэ показать, крайнюю степень отчуждения человека.

Герои К. Абэ часто оказываются в “пограничной” ситуации, что позволяет им увидеть прежнюю жизнь и ценности в новом свете, осознать ее ненормальность, абсурдность. Именно в этом кроется связь романов японского писателя с литературой экзистенциализма.

Экзистенциалистская проблема выбора героем была решена в пользу истинного существования. Но герои К. Абэ активны в отличие от многих героев произведений экзистенциалистов Камю (Мерсо), Сартра (Антуан Рокантен), Кафки (Грегор Замза). Поэтому нельзя согласиться с критикой в адрес писателя, что “в них, в сущности, отсутствует мысль о моральной ответственности самих героев за ту духовную изоляцию, в которой они находятся” [1: 115]. Так, например, герой романа “Женщина в песках” пытается сопротивляться с положением вынужденной изоляции, что позволяет ему увидеть, что жители одинокой деревни – не сломленные судьбой, брошенные на произвол, люди, а люди сопротивляющиеся и, тем самым, находящие смысл в собственном существовании. Герою становится понятна причина его унылого, бессмысленного существования в городе. Он перестал (или так и не начал) сопротивляться песку-обществу и, превратившись, как и миллионы, людей в песчинку, следовал' вслед за ним, тем самым увеличивая его силу и способность подчинять себе других. Построив ловушку “Надежда”, Ники Дзюмпэй обнаруживает, что из воды можно извлекать воду. Вода в романе олицетворяет саму жизнь, способность человека к возрождению. Неслучайно Ники Дзюмпэй обнаруживает песок потому, что он не сломился, не подчинился обстоятель-

ствам, а продолжал сопротивляться. Он видит, что спасение от всепоглощающего песка скрыто в нем самом. Именно поэтому автор подчеркивает, что песок и вода одной природы – минералы. Всепроникающий, подчиняющий себе человека и его жизнь песок – это общество, закабаляющее человека. Но именно движение песка, его давление заставляет, наконец, человека бороться и порождает сопротивление. Именно порабащивающее воздействие общества заставляет человека в один прекрасный день восстать и оказать ему сопротивление. Так же, как вода (символ возрождения) была найдена героем в песке (подавляющем человека начале), так же и в недрах самого общества можно найти путь к спасению человека, его личности. Этот – элемент общества, скрытый в нем самом – человек, который захочет жить иначе и сумеет! изменить собственную жизнь. И образ такого человека создает К. Абэ в своем творчестве.

Пусть героям К. Абэ не всегда удастся найти выход из создавшейся ситуации, но само их стремление преодолеть бессмысленность существования многого стоит.

К. Рехо отмечает, что “в идее, утверждающей человеческий разум, возможность взаимопонимания и объединения людей даже в “пограничной ситуации”, заключен сокровенный смысл “Женщины в песках”, свидетельствующий о различии творческих позиций японского писателя и Кафки” [2: 139].

Следует отметить, что различие это кроется не только в разнице творческих позиций писателей, но и в типе героя. Если отчуждение героев писателей-экзистенциалистов во многом добровольное, то тотальное одиночество героев К. Абэ вызвано отторжением обществом человека. “Нетрудно заметить, – пишет Г. Злобин в предисловии к роману К. Абэ, – что многие центральные мотивы романа – одиночество человека и отчуждение, проблемы вины и свободы и другие – прямо перекликаются с соответствующими категориями философии и художественной практики экзистенциализма и его эпигонов.

Однако, черпая из арсенала экзистенциалистской литературы, Кобо Абэ ведет полемику с некоторыми ее положениями. Для типичного героя западной прозы характерно “онтологическое” одиночество, то есть одиночество, происходящее из той очевидности, что на свете есть лишь одно мое “я”, а все остальное – не мое, чужое, и это “я” – смертно. Герой Кобо Абэ тоже безмерно одинок, но не из-за абсурдности человеческого существования вообще, а в силу об-

стоятельств вполне конкретных и в своей основе социальных” [3: 16].

Говоря о влиянии западного экзистенциализма на К. Абэ, нельзя не отметить и тесную связь его творчества с японской литературной традицией.

От японской традиции берет начало высокая степень насыщенности произведений К. Абэ символикой. В древнейшем памятнике японской литературы антологии “Манъесю” (составлена в VIII веке) и в романе К. Абэ “Женщина в песках” используются символы песка и воды. Ветер и волны, несущие песок, в песнях древнего памятника стали символами стихий, несущих земледельцу гибель. Песок у К. Абэ также выступает символом, несущим опасность гибели и требующий борьбы, сопротивления человека. Кроме того, автор наполняет этот символ новым современным содержанием.

Многозначное использование символа песка превращает роман К. Абэ 15 иносказательное повествование. Песок в романе – не только символ, он выступает героем произведения. Песок – это символ общества, все и всех подчиняющего себе. Символ песка позволяет писателю показать негативные стороны действительности, скрывающиеся за привычными явлениями и образами. Изучая песок, Ники Дзюмпэй обнаруживает новые для себя свойства этого вещества: “Бесплодность песка, какой она представляется обычно, объясняется не просто его сухостью, а непрерывным движением, которого не может перенести ничто живое. Как это похоже на унылую жизнь людей, изо дня в день цепляющихся друг в друга” [4: 28]. Песок в деревне подчинил себе людей, их образ жизни и мыслей, распорядок дня, сам характер взаимоотношений между людьми. Также и общество подчиняет себе человека, и если он не находит в себе силы сопротивляться этому влиянию, как это делают жители деревни, то человек гибнет.

Для традиционного метода японской литературы характерна некая авторская безучастность, описываемое писателем не содержит какой-либо оценки. К. Абэ “следует за кистью” (“дзуй-хицу”), лишь фиксирующую происходящее. Но из всех повествовательных жанров японской литературы К. Абэ наиболее близок “дзицу-року” – “запись действительных событий”. Создавая исключительные ситуации, автор стремится к правдоподобию. Скрупулезные описания и подчеркнутый натурализм не позволяют читателю ни на секунду усомниться в реальности происходящего.

Критики отмечали удивительную способность К. Абэ передавать читателю физические ощущения своих героев: песок в горле и физические страдания от тесноты ямы; картонный ящик на плечах и образ мира, увиденный в прорезь щели коробки; маска, сжимающая лицо.

По своему жанровому содержанию многие романы К. Абэ близки притче. Н.И. Конрад, описывая основные жанры японской литературы, не упоминает о притче и басне. Как нам кажется, эти жанры не получили развития в японской литературе, потому что прием, положенный в их основу, используется во всех без исключения прозаических и поэтических жанрах. Этот прием – повышенная иносказательность, которая является основополагающей для японской литературы. Поэтические жанры танка и хокку (хайку) априори содержат притчевое начало, требующее расшифровки содержания, понимая используемых автором символов.

Автор не стремится к индивидуализации героя. Его интересует не конкретный человек, с присущими лишь ему чертами. Писатель говорит в романе о всяком человеке, о любом человеке. Так, например, Ники Дзюмпэй выступает вне связи с определенным социальным положением (его профессия учителя – условность), религиозной и национальной принадлежностью. Автору важно лишь, что герой – среднестатистический житель большого города. Причем автор, как и принято в притче, сразу вовлекает героя в действие, предварительно ничего не рассказав о нем читателю. Женщина в романе – тоже просто женщина, за скудным описанием ее внешности не стоит конкретный человек, она важна в романе как представитель деревни, как носитель определенной идеи.

Неожиданная развязка, присущая притче, у К. Абэ – не цель удивить читателя. Ее цель – дать некий нравственный урок, неожиданная развязка лишь заставляет читателя задуматься над поставленной автором проблемой, пересмотреть свой, уже сложившийся в ходе чтения романа, взгляд. Для притчи порой характерна необычность происходящего с героем. Такую необычную, исключительную ситуацию создает в своем романе и К. Абэ.

Женские образы в романах К. Абэ, согласно японской литературной традиции представлены поверхностно, схематично. Их роль – дать героям шанс преодолеть одиночество, обрести смысл в жизни [5].

В романе “Женщина в песках” героиня выступает антиподом героя, человеком с совершен-

но противоположным образом мыслей, отношением к людям и собственной жизни. Объясняя свою привязанность к деревне, она пытается убедить Пики Дзюмпэя, что долг человека – не бежать оттуда, где ты нужен людям. В ее словах – “Будь верен духу любви к родине” – изложен один из главных принципов конфуцианства. Конфуцианство легло в основу бусидо – кодекса поведения самурая, способного и готового *пожертвовать собственной жизнью ради долга и идеи*. В отношении женщины к жизни сказывается и влияние идей буддизма. Буддизм рассматривает мир как непрочный и иллюзорный феномен. “Ирреальное” для европейца, для буддийского сознания есть истинная реальность. Вера в путь спасения, перерождений, смены жизни и смерти определяет особое отношение к жизни, придает силы, хотя и создает некий оттенок печали.

Отношение к жизни в соответствии с заповедями буддизма определяло главенство идеи, сознания над материальным миром. Конфуцианство диктовало определенную линию поведения. Вкупе всего объясняет удовлетворенность женщины своей жизнью. Она существовала вне зависимости от материальных благ, занимавших одно из главных мест в жизни Ники и всякого живущего в городской цивилизации человека. Женщина была готова жить там, где была необходима людям.

Вышесказанное позволяет согласиться с японскими критиками, утверждающими, что там, где европейскому исследователю видится модерн, новизна в изображении мира, знатоки японской литературы находят уходящую в века литературную и философскую традицию.

Необычность, можно сказать, неправдоподобие повествования автор преодолевает с помощью скрупулезного, легального описания происходящего и окружающего: “Стены облупились; вместо фусума висели циновки; опоры, поддерживавшие крышу, покосились; все окна забиты досками; соломенные маты, устилающие пол, готовы рассыпаться и когда на них ступаешь, хлюпают, будто мокрая губка. И ко всему этому – отвратительный, какой-то прелый запах спекшегося песка” [4: 33]. Описывая песок или насекомое, К. Абэ прибегает к научному стилю. Автор пишет о новом виде насекомого: “... желтоватое насекомое, напоминавшее шпанскую мушку, принадлежащую к семейству жесткокрылых. Как известно, шпанские мушки бывают самых разных цветов и размеров. Но передние лапки у них различаются весьма незначительно. Они-то и служат критерием для классификации,

так как различие формы передних лапок означает и видовое различие” [4: 26]. Приводит статью из энциклопедии: “Песок – скопление разрушенной горной породы. Иногда включает в себя магнитный железняк, касситерит, реже – золотой песок. Диаметр от двух до одной шестнадцатой миллиметра” [4: 27]. Стремясь подчеркнуть реальность изображаемого, автор использует “документы” из полицейского досье, газетные объявления, статистические данные; что приближает роман к модернистской литературе.

Кобо Абэ делает лишь шаг в сторону от реальности, но этот шаг позволяет автору зримо, выпукло обозначить актуальные проблемы, стоящие особенно остро для Японии, учитывая стремительное развитие страны и средоточие миллионов людей в мегаполисах.

Проблема отчуждения, характерная для японского капиталистического общества 60-80-х годов XX века, столь остро прозвучавшая в произведениях К. Абэ, явилась ключевой проблемой всей литературы японского модернизма последних десятилетий прошлого столетия.

На первый взгляд кажется, что писатель отказывается от постановки и решения социальных проблем, его произведениям присуща подчеркнутая аполитичность, что позволяет говорить о связи романов К. Абэ с американским модернистским романом, сознательно уклоняющимся от общественных проблем. На самом деле, несмотря на то, что внимание автора постепенно переходит от героя, сознающего несправедливость существующего социального устройства и протестующего против этого к герою отчужденному, живущему лишь своими проблемами и заботами, тем не менее, автор испытывает тревогу за состояние современного японского общества и озабочен положением каждого отдельного его члена.

Таким образом, роман Кобо Абэ “Женщина в песках” представляет собой органичное единство модернистских тенденций и традиционных черт японской литературы. Жанровое своеобразие романа заключено в соединении европейской притчи и жанров японской повествовательной литературы “дзуй-хицу” и “дзицу-року”. Философское содержание романа, острота поставленных в нем актуальных проблем перекликаются с философиями буддизма и европейского экзистенциализма.

Литература

1. Гривнин В. Человек в мире зла. Творчество Кобо Абэ // Кобо Абэ. Собр. соч.: В 3 т. – Т. 1. – СПб.: Симпозиум, 1998.

Литературоведение

2. *Рехо К.* Современный японский роман. – М.: Худ. лит-ра, 1977.
3. *Злобин Г.* Дорога к другим – дорога к себе // *Абэ Кобо. Женщина в песках. Чужое лицо.* – М.: Худ. лит-ра, 1988. – С. 5–18.
4. *Абэ Кобо.* Женщина в песках. Чужое лицо. – М.: Худ. лит-ра, 1988.
5. *Гривнин В.С.* Трилогия Кобо Абэ // *Иностр. лит-ра, 1969.* – С. 220–226.